

Джон Кертис

АМУДАРЬИНСКИЙ КЛАД НА ПУТИ К БРИТАНСКОМУ МУЗЕЮ

Сэр Август Вулэстэн Фрэнкс (1826–1897)¹ и другой великий антиквар викторианской эпохи генерал-майор сэр Александр Каннингэм (1814–1893)² умерли с интервалом в несколько лет и похоронены в нескольких сотнях ярдов друг от друга на кладбище Кенсэл Грин в Лондоне. Знаменательно, что могилы этих людей, которые вдвоем сохранили для потомков Амударьинский клад [в англоязычной литературе известен как *The Treasure of the Oxus – Сокровище Окса*], оказались в такой близости друг к другу.

В Амударьинском кладе представлены золотые и серебряные изделия и монеты времен Ахеменидской империи, Селевкидского и Греко-Бактрийского царств. Это наиболее значительное собрание предметов из драгоценных металлов, которое сохранилось от той эпохи, и сегодня оно является одним из величайших сокровищ Британского музея.

В Амударьинском кладе имеется около 180 золотых и серебряных предметов. На некоторых из них заметны следы разрубания³, относящиеся, вероятно, ко времени после обнаружения клада. Кроме того с сокровищем связано большое количество золотых и серебряных монет. О.М. Дальтон, сотрудник Британского музея, который подготовил выдающийся по своему научному уровню каталог Амударьинского клада, вышедший первым изданием в 1905 г., утверждал, что «монеты, которые попали в Европу вместе с кладом, составляли примерно полторы тысячи единиц»⁴, и это мнение разделял российский ученый Е.В. Зеймаль, подготовивший каталог Амударьинского клада для выставки в Ленинграде в 1979 г.⁵ Сейчас нет возможности проследить

¹ Август Вулэстэн Фрэнкс (рис. 1) много десятилетий работал хранителем в нескольких департаментах Британского музея. Он являлся вместе с тем буквально одержимым коллекционером, собирая коллекции предметов разных культур – от Европы до Японии. Свои коллекции он завещал Британскому музею (*Franks A.W. Nineteenth-Century Collecting and the British Museum/Ed. M. Caygill and J. Cherry. L., 1997*). Специально о его деятельности в связи с Амударьинским кладом см. *Curtis J. Franks and the Oxus Treasure // Ibid. P. 231–249*.

² Генерал А. Каннингэм (рис. 2) после ухода в отставку с военной службы был археологическим инспектором правительства Индии, а затем стал основателем Археологической службы Индии, проработав ее генеральным директором с 1870 по 1885 г. Он лично осуществил обширные археологические работы, включая исключительно важные раскопки, успешно занимался нумизматикой и исторической географией, издал множество трудов.

³ *Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // JASB. 1881. V. L. P. 151, 155; idem. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper: Second Notice // JASB. 1883. V. LII. P. 64; Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-Work. 3 ed. L., 1964. P. 11.*

⁴ Эта оценка, вероятно, основывается на информации, содержащейся в трудах А. Каннингэма; см. *Cunningham. Relics... P. 182. Not. 3; Idem. Relics... Second Notice. P. 64. Not. 3; idem. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper: Third Notice // JASB. 1883. V. LII. P. 258.*

⁵ *Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. С. 16–23. Общее рассмотрение Амударьинского клада см.: Barnett R.D. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // Iranica Antiqua. 1968. VIII. P. 34–53; Caygill M. Treasures of the British Museum. L., 1985. P. 24–9; Mitchell T.C. The Oxus Treasure from the*

судьбу большей части этих монет, но чуть более двухсот из предположительно отнесенных Е.В. Зеймалем к кладу⁶ имеются частично в Британском музее, а большей частью в других музейных коллекциях, таких, как Государственный Эрмитаж. Эти собрания включают экземпляры, происходящие из ахеменидского царского монетного двора и с территорий, окружавших персидскую империю, равно как и монеты селевкидских правителей, которые наследовали Александру Великому в восточной части эллинистической империи.

Монеты являются важным свидетельством для установления даты Амударьинского клада. По словам А. Каннингэма, монеты соответствуют периоду примерно в 300 лет, считая от времени Дария (521–486) до Антиоха III (Великого) (223–187) и Евтидема I (ок. 230–200). Парфянские монеты отсутствуют полностью. А. Каннингэм на основании изучения монет заключает, что клад был, вероятно, закопан в период ок. 200–180 до н.э.⁷ Если это так, то можно предположить, что Амударьинский клад собирался в течение 200–300 лет, с добавлением последних предметов ближе к концу III в. до н.э. Все это подводит нас к вопросу о том, может ли Амударьинский клад реально считаться гомогенным археологическим комплексом. А. Каннингэм явно дает понять, что не все сокровище было найдено одновременно. В своей первой статье он говорит, что «большинство, если не все предметы первой находки (т.е. 1877 г.), сделалось моей собственностью»⁸. Именно эти предметы являются темой первой публикации А. Каннингэма. В этой же самой статье⁹ А. Каннингэм дает описание большой золотой колесницы¹⁰ как «найденной в прошлом году», т.е. в 1880 г. Впечатление, что эти предметы не все были найдены в одно и то же время, подтверждается второй публикацией А. Каннингэма, также посвященной кладу, где он говорит: «с тех пор, как я написал мой предыдущий отчет... было обнаружено несколько новых предметов, равно как и большое количество монет»¹¹. О.М. Дальтон также придерживался взгляда, что основная часть клада была обнаружена в 1877 г., затем к нему «прибавились дополнительные находки год или два спустя»¹². Однако генерал Д.Д. Пирс, обладавший небольшой коллекцией материалов, которые предположительно были связаны с Амударьинским кладом (см. ниже), полагал, что он был обнаружен в 1876 г. Сохранилось также донесение среднеазиатского купца Вази ад-дина (приводится ниже), из которого может следовать, что весь материал был обнаружен в одно и то же время в 1877 г. Но если он был целиком найден в 1877 г., то возникает вопрос, где было сокровище, которое везли купцы, в отрезок времени между 1877 и 1880 гг. Представляется гораздо более правдоподобным, что часть клада была найдена в 1880 г. В этом случае точность донесения Вази ад-дина должна быть поставлена под сомнение. Кажется несомненным, что клад не был найден целиком и в одном точно определенном месте. А. Каннингэм так и пишет, что «он не был найден весь в одном месте, но был рассеян в речном песке»¹³. Никакой дополнительной информацией мы не располагаем, но

British Museum. London–Zürich, 1989; *Curtis J.E.* Ancient Persia. 2 ed. L., 2000. P. 60–65 (1 ed. – 1989. P. 51–55). Относительно монет и дальнейшей библиографии см. *Schlumberger D.* Les monnaies d'argent préhellénistiques du trésor de l'Oxus // MDAFA. V. XIV. P., 1953. P. 46–49; *Bellinger A.R.* The Coins from the Treasure of the Oxus // ANSMN. 1962. V. X. P. 51–67; *Thompson M., Morkholm O., Kraay C.M.* An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973; *Зеймаль Е.В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности / Под ред. Б.А. Литвинского. М. С. 61–80, 155–162.

⁶ Личное сообщение Е.В. Зеймала.

⁷ *Cunningham. Relics...* P. 151 f.; *idem. Relics...* Second Notice. P. 64; *idem. Relics...* Third Notice. P. 258. Е.В. Зеймаль согласился с этим анализом. Он полагал, что более поздние монеты, которые иногда объединяют с Амударьинским кладом, вероятно, были добавлены в новое время.

⁸ *Cunningham. Relics...* P. 151.

⁹ *Ibid.* P. 154.

¹⁰ *Dalton. Op. cit.* № 7.

¹¹ *Cunningham. Relics...* Second Notice. P. 64.

¹² *Dalton. Op. cit.* P. XIII.

¹³ *Cunningham. Relics...* P. 151–152.

Рис. 1. Коллекционер и антиквар А.В. Фрэнкс

О.М. Дальтон отмечает, что, когда сокровище было найдено, большая золотая голова была покрыта золотой чашей¹⁴. С учетом этих обстоятельств мы не можем без оговорок и сомнений относиться к Амударьинскому кладу как к закрытому археологическому комплексу, хотя большинство современных авторов, по-видимому, уверены, что это так и что все эти предметы на самом деле составляют единое целое. Есть настоятельная необходимость, однако, высказать несколько осторожных замечаний. Во-первых, вполне возможно, что предметы самого разного происхождения были выданы за принадлежащие к этому кладу в тот момент, когда они были проданы в Равалпинди (см. ниже): таким образом за них можно было потребовать бóльшую цену. К этой категории, возможно, относится каменная палетка из Гандхары¹⁵ (или, во всяком случае, ее золотая версия), которую А. Каннингэм первоначально считал принадлежащей к Амударьинскому кладу¹⁶. Затем есть проблема подделок. Мы знаем, что по крайней мере три не-золотых предмета были скопированы в золоте¹⁷, и

¹⁴ Dalton. Op. cit. P. 9.

¹⁵ Ibid. № 197.

¹⁶ Cunningham. Relics... Third Notice. P. 259 f. Pl. XXI f.

¹⁷ Дальтон (Op. cit. P. XVI), вероятно, имеет в виду, что эти три предмета были посланы А.В. Фрэнксу. Он пишет: «В этих предметах, вызвавших подозрения сэра А.В. Фрэнкса, было много сомнительного и помимо того факта, что некоторые из них относятся к типам, которые никогда не встречаются в золотом исполнении. Однако, не желая терять возможно важный источник получения древностей, он решил сделать покупку по цене, незначительно превышающей стоимость золота, и посмотреть, как будут развиваться события. Они не заставили себя ждать, и коль скоро однажды были проданы подделки, то в свой черед были доставлены и оригиналы».

Рис. 2. Археолог и нумизмат А. Каннингэм

Дальтон говорит о копии золотой статуэтки в коллекции Фрэнкса¹⁸. Все это явно было сделано в Равалпинди. Могли быть и другие подделки, которые пока не выявлены. В частности, некоторые из золотых табличек крайне грубы¹⁹ и скорее всего являются копиями. Проблема гомогенности столь же актуальна в связи с монетами. Явно не соглашаясь со взглядом нумизмата П. Гарднера²⁰, А. Каннингэм твердо придерживался мнения, что монеты следует связывать с кладом. Он писал: «Это мнение [т.е. мнение П. Гарднера], однако, прямо противоречит сообщениям самих собирателей, как сделанных г. Гранту в 1877–1878 гг., так и тем, что они делают ежегодно (с 1878 г. по настоящее время) мне самому. В частности, в письмах из Хульма я получил гротирки многих из этих монет, как только они были приобретены на Оксе». Вопреки уверениям А. Каннингэма, О.М. Дальтон также выражал скепсис относительно связи монет с кладом²¹.

Конечно, оценить надежность нумизматической информации в данном случае трудно, но кажется вовсе нелогичным признавать комплексом сам клад и исключать при этом монеты. В этих обстоятельствах и до тех пор, пока у нас не появятся новые данные, представляется разумным рассматривать Амударьинский клад и его монеты как группу [археологического] материала, но не забывать об оговорках, высказанных выше²². Что же тогда это было?

Один из возможных вариантов состоит в том, что клад содержал не только монеты, но и изделия из драгоценных металлов, которые использовались при обмене. Драгоценные металлы, как золото, так и серебро чрезвычайно ценились на древнем Ближнем Востоке в качестве средства обмена. Металл обладал покупательной способностью в зависимости от его веса и продолжал использоваться как валюта даже после

¹⁸ Dalton. Op. cit. P. 2.

¹⁹ Например, *ibid.* № 63–64. С другой стороны, известны бесспорные подделки, изготовленные с большим искусством.

²⁰ Gardner P. Coins from Central Asia // NC. 2 Series. V. I. 1881. P. 8–12.

²¹ Dalton. Op. cit. P. XVI.

²² Ср. *Muscarella O.W.* Excavated and Unexcavated Achaemenian Art // *Ancient Persia: the Art of an Empire.* / Ed. D. Schmandt-Besserat. Malibu, 1980. P. 26.

утверждения монетной системы. Характер Амударьинского клада, состоящего из золотых и серебряных предметов (некоторые из которых были деформированы) в сочетании с большим количеством монет предоставляет некоторые аргументы в пользу предложенной выше идентификации. С другой стороны, золотые пластины, по-видимому, имели votivный характер, т.е. они помещались в храм, дабы представлять верующего перед лицом божества. Аргумент о связи с храмом дополнительно подкрепляется тем фактом, что многие предметы являются изображениями жрецов. Соответственно, более правдоподобно, что мы имеем дело с храмовым сокровищем, совокупностью наиболее ценных предметов, собранных храмом за определенный период времени и составляющим его богатство.

Относительно места обнаружения клада исследователи пришли к согласию, что он был найден к северу от реки Окс, в районе, который когда-то входил в состав древней Бактрии, а сейчас – современного Таджикистана (рис. 3). Это произошло, очевидно, между 1877 (или даже 1876) и 1880 гг. Но точное место остается под вопросом. Самое раннее упоминание открытия в научной литературе было сделано П. Гарднером в 1879 г., который писал «о новых монетах из Бактрии». Некоторое количество этих монет было позднее зарегистрировано А. Каннингэмом как принадлежащих к сокровищам Окса²³. Цитируя А. Гранта, главного инженера и директора индийских железных дорог, который приобрел некоторые из этих монет в Равалпинди, П. Гарднер утверждал, что монеты были обнаружены «в восьми переходах за Оксом, в старом форте, на полоске суши, который образовывали две соединяющиеся реки»²⁴. Он называет это «находкой с Окса»²⁵. Уже здесь возникает проблема, связанная с тем, что какого-либо поддающегося идентификации слияния двух рек в восьми переходах к северу от Окса не существует. Однако в своем первом сообщении о кладе А. Каннингэм совершенно недвусмысленно говорит, что сокровище было обнаружено «в 1877 г. на северном берегу Окса, рядом с поселением Тахти Куват... Место называется также Кават или Квадиан, и я не сомневаюсь, что это Кобадан». Он добавляет, что «оно [сокровище] не было найдено все на одном месте, но было рассеяно в речном песке. Из этого можно сделать вывод, что оно было спрятано у берега либо в деревянных ящиках, либо в глиняных сосудах, которые рассыпались на части, когда вздувшийся речной поток срезал берег и разбросал их содержимое по песку»²⁶.

Двумя годами позднее А. Каннингэм подтвердил эти детали, когда писал, что «место обнаружения этих реликтов находится на берегах Окса, недалеко от места, называемого Кават или Куад. Это место является одной из наиболее оживленных переправ на Оксе и всегда было одним из главных участков на дороге в Самарканд»²⁷. В этом же году с появлением новой заметки возникает некоторая путаница. А. Каннингэм пишет, что «это место находится на расстоянии в один переход к северу от Окса и называется Квадиан... Предположение, которое я сделал в своем первом сообщении об этих остатках, заключавшееся в том, что местом находки был древний город Кобадан арабских географов, оказалось верным»²⁸. Возникающая в связи с этим последним утверждением трудность состоит в том, что Кобадан находится в 50 км к северу от Окса, а все другие данные ясно говорят о том, что сокровище было найдено на берегах Окса. Это подкрепляется отчетами того времени в периодических изданиях, таких, как «The Graphic»²⁹ и «Proceedings of the Society of Antiquaries»³⁰.

²³ *Cunningham. Relics...* P. 169–182.

²⁴ *Gardner P. New Coins from Bactria // NC, New Series. 1879. V. XIX. P. 1.*

²⁵ *Ibid. P. 3, 9.*

²⁶ *Cunningham. Relics...* P. 151–152.

²⁷ *Idem. Relics... Second Notice. P. 64.*

²⁸ *Idem. Relics... Third Notice. P. 260.*

²⁹ *Birdwood G. Indian Jewelry // The Graphic. 26 November 1881. P. 538.*

³⁰ *Franks A.W. Exhibition of a Remarkable Gold Armlet // Proceedings of the Society of Antiquaries. 2 series. V. 9. L., 1883. P. 250.*

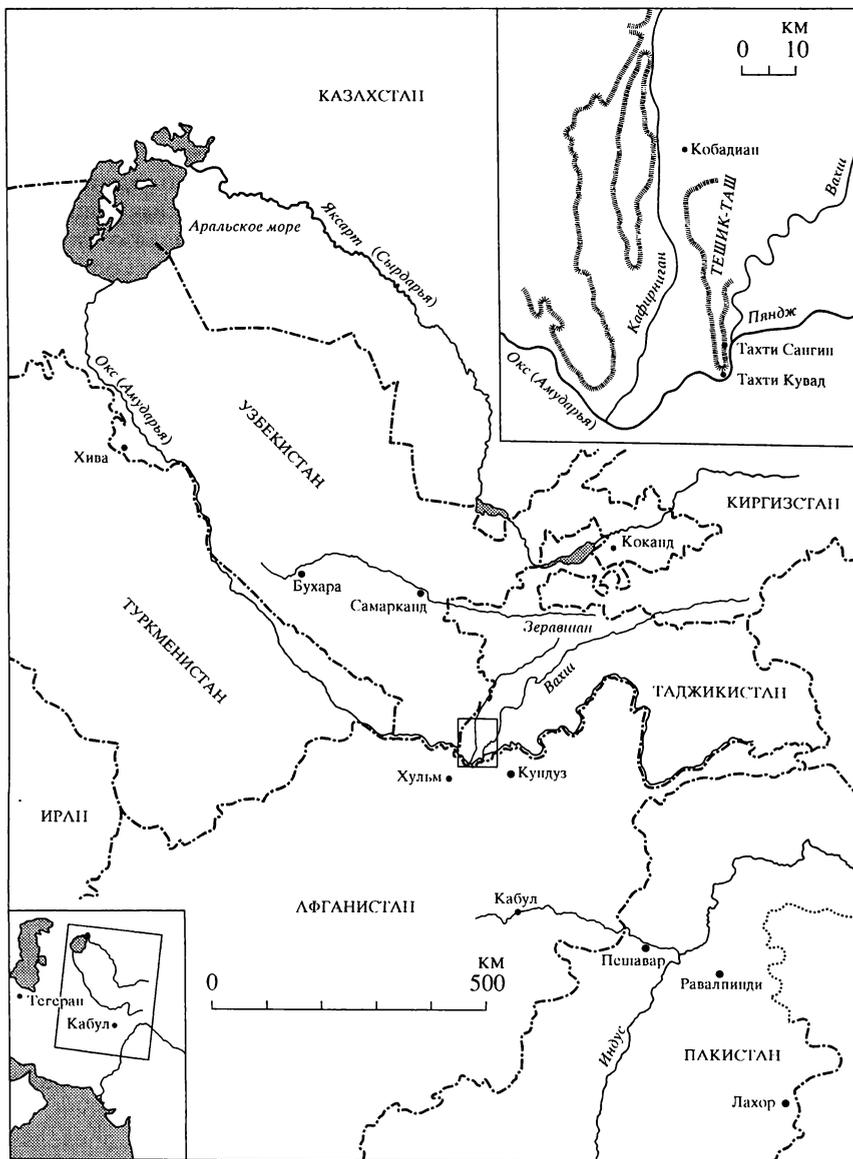

Рис. 3. Карта Средней Азии и прилегающих областей

Генерал Дж. Дж. Пирс, владелец некоторых предметов, писал, что «почти 2000 лет клад Окса оставался в своем водно-песчаном ложе. Около 1876 г. произошло сползание земли с берега реки, что и явило бесчисленные богатства древнего клада»³¹. Наконец, записи в Музее Виктории и Альберта, относящиеся к золотому браслету, приобретенному этим музеем (см. ниже), гласят, что он был «найден на берегах Окса во время Афганской кампании 1879–80 гг.».

³¹ Это опубликовано в печатном листке, озаглавленном «The Great Trouville of the River Oxus of A.D. 1876», содержащем реестр предметов, принадлежащих Пирсу (Victoria and Albert Museum archives).

Русские источники, цитируемые Е.В. Зеймалем в его каталоге Амударьинского клада³², подкрепляют исходное утверждение А. Каннингэма, что клад был найден в Тахти Куваде. Эта местность посещалась в 1879 г. русским географом Н.А. Маевым. Он рассказывает, как, ожидая переправы, его миссия осматривала руины Тахти Кувада и с помощью местных рабочих провела раскопки в течение одного дня. Н.А. Маев описывает месторасположение Тахти Кувада (у слияния рек Вахш и Пяндж) и сообщает, что местные жители рассказали ему о тигре из цельного золота и других золотых предметах, которые были найдены там и проданы индийским купцам за высокую цену. Через десять лет русский офицер Н.Н. Покотило писал о Тахти Куваде: «Несмотря на пустыньность места, там постоянно копаются несколько десятков человек, отыскивая клад; по преданию, какой-то туземец выкопал там золотого идола в рост человека». Это дальнейшее подтверждение того, что Тахти Кувад («трон Кавада») находится на северном берегу реки Окс (Амударьи) недалеко от места, где сливаются реки Вахш и Пяндж, образуя собственно Амударью. Это примерно в 50 км к югу от современного населенного пункта Кобадияна, ныне на территории Таджикистана³³. До советского периода, когда граница была закрыта, здесь находилась имевшая важное значение переправа через реку Окс. Эта местность оставалась тем не менее дикой; по крайней мере до 50-х гг. XX в. там обитали тигры, и даже сейчас встречаются кабаны и олени. Здесь имеется много признаков земляных работ, включая те, что в последние десятилетия проводились пограничниками³⁴. Тахти Кувад находится в 5–6 км к югу от другого важного укрепленного городища, Тахти Сангина («каменный трон»).

Это место сейчас хорошо известно благодаря сенсационным открытиям, сделанным здесь Южно-Таджикистанской археологической экспедицией (руководитель экспедиции Б.А. Литвинский, начальник отряда И.Р. Пичикян), которая работала на Тахти Сангине в 1975–1990 гг.

Тахти Сангин (рис. 4)³⁵ защищен с севера и юга стенами, которые отделены друг от друга расстоянием в один километр. И именно на цитадели, находящейся в центре этого города, российскими археологами был найден важный храм. В храме был четырехколонный зал, перед которым находился восьмиколонный портик. Полагают, что это был храм огня, где постоянно поддерживался священный огонь. Предполагается, что храм был построен около 300 г. до н.э. Эта дата вполне точно установлена, так как колонны были увенчаны греческими ионическими капителями, которые обнаруживают близкие параллели с Малой Азией, например, с храмом Афины Паллады в Приене и храмом Артемиды – Кибелы в Сардах, построенных в тот же период³⁶. Длинные коридоры в форме буквы L были заполнены предметами, которые приносились в храм и там хранились. При раскопках было обнаружено около 8000 предметов. Среди этих исключительно богатых находок были монеты, оружие, алебастровая и глиняная скульптура и драгоценные предметы из золота, серебра, слоновой кости. Это собрание ценных предметов, по-видимому, датируется в пределах широкого хронологического диапазона. Среди наиболее ранних изделий – ножны для ко-

³² Зеймаль. Амударьинский клад... 1979. С. 14. См. также *Pichikiyan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel*. В., 1992. P. 65 f.

³³ Этот населенный пункт в советское время несколько раз переименовывался (Микоянабад, Насири Хисров).

³⁴ Личное сообщение Б.А. Литвинского.

³⁵ Археологические отчеты о раскопках и находках на Тахти Сангине см. *Litvinskiy B.A., Pichikiyan I.R. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2. P. 133–167; idem. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bactria) // AAASH. V. XXVIII. № 1–4. 1983. P. 25–83; Pichikiyan. Oxos-Schatz...; Litvinsky B.A., Pichikiyan I.R. The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus // The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from Former Soviet Union / Ed. B.A. Litvinsky, C.A. Bromberg. Michigan, 1996 (Bulletin of the Asia Institute, N.S. V. 8). P. 47–66.*

³⁶ *Litvinsky B.A., Pichikiyan I.R. The Ionic Capital from the Temple of the Oxus (Northern Bactria) // Iranica Antiqua. V. XXXIII. Gent, 1998. P. 233–258.*

роткого меча (акинака) из слоновой кости с изображением льва, стоящего на задних и держащего оленя в передних лапах. Изделие датировано раскопавшими его археологами V в. до н.э.³⁷ Среди позднейших находок – бронзовая фигурка силена, которой увенчан алтарь из известняка и которая имеет греческую посвятельную надпись Оксу; она предположительно датируется серединой II в. до н.э.³⁸

Алебастровая статуэтка, изображающая мужскую фигуру, одетую в подпоясанный хитон и штаны³⁹, отражает парфянский стиль и датируется, вероятно, I в. н.э. Это лишь немногие примеры, но они демонстрируют, что материал, хранившийся в Тахти Сангине, относится к периоду от V в. до н.э. до, по крайней мере, I в. н.э. Это означает, что функционирование храма должно было продолжаться вплоть до этого, а, возможно, и более позднего времени.

Как соотносятся между собой Тахти Сангин и Тахти Кувад? Археологи, раскапывавшие храм, совершенно уверены, что Амударьинский клад был найден вблизи Тахти Сангина, и считают, что он должен происходить из сокровищниц храма огня. Другие ученые более осторожны⁴⁰. В пользу теории Литвинского – Пичикяна говорит тот факт, что в XIX в. вся территория в районе слияния рек Пянджа и Вахша была известна как Тахти Кувад,

³⁷ *Iidem.* The Temple... P. 152; *iidem.* Monuments... P. 49.

³⁸ *Iidem.* The Temple... P. 154; *iidem.* Monuments... P. 63; *iidem.* An Akinak Scabbard from Bactria // Soviet Archeology and Anthropology. Journal of Translation. V. 21/1–2. N.Y., 1982. P. 139–182. Fig. 3–6.

³⁹ *Iidem.* Monuments... P. 66–67. Fig. 8.

⁴⁰ Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Еще раз о месте находок Амударьинского клада // ИООН АН ТаджССР. Вып. 1 (28). 1962 (авторы доказывают, что Амударьинский клад был найден на Тахти Куваде); *Jettmar K.* Oxus-Schatz und Heiligtum von Tacht Sangin // OXUS. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasiien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Zürich, 1989. S. 171.

Рис. 4. Городище Тахти-Сангин с храмом Окса (по Б.А. Литвинскому – И.В. Пичикяну)

получив свое название от уступа на находящемся здесь горном хребте Тешик-Таш. Название Тахти Сангин относительно современное, во всяком случае первое засвидетельствованное упоминание его в печати принадлежит нашим современникам: когда Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян посетили городище, они спросили у окрестных жителей о названии местности и им сообщили, что оно называется Тахти Сангин⁴¹. В пользу этой теории свидетельствует также тот факт, что в Тахти Сангине были обнаружены три золотые пластины⁴², во многом сопоставимые с примерно 50 экземплярами из Амударьинского клада. Одна из найденных на Тахти Сангине пластин лишена декора и когда-то была согнута, как и многие экземпляры из Амударьинского клада, на другой – изображение крылатого существа, а на третьей, инкрустированной и тем самым слегка отличающейся от пластин Амударьинского клада, изображены человек и верблюд.

Против мнения Литвинского и Пичикяна говорит то, что предполагаемое конкретное место обнаружения Сокровища Окса должно было находиться [непосредственно] на берегах Окса (см. выше). Цитадель же Тахти Сангин, несомненно, не расположена на берегу реки и отдалена от него не менее чем на 0,5 км⁴³. Соответственно, возможность того, что вещи из храма Тахти Сангина могли оказаться в речном песке, отсутствует. Если предметы Амударьинского клада все же действительно первоначально находились в храме, они должны были быть еще в древности перенесены в другое место. Есть проблемы и с датировками. Мы предположили, что Амударьинский клад хронологически соответствует периоду от примерно VI в. до н.э. до начала II в. до н.э., тогда как находки из храма Тахти Сангина датируются и более поздним временем, по крайней мере до I в. н.э.

В пользу этой теории исследователи храма выдвинули, как мне любезно сообщил Б.А. Литвинский, следующую гипотезу, которая многое проясняет. Среди нескольких тысяч находок (в том числе целого собрания произведений искусства) в храме практически нет ни одного крупного предмета из драгоценных металлов, лишь несколько мелких изделий. Учитывая значение храма как общebakтрийского святилища, это можно объяснить лишь тем, что на каком-то этапе, когда к храму приближались враги (может быть, кочевники-юэцжи во II в. до н.э.), жрецы собрали все крупные изделия из золота и серебра и тайно закопали их на берегу реки. Судьба распорядилась так, что им не было суждено вернуть все это в хранилища продолжавшего функционировать храма, а река через две тысячи лет размывла это место берега.

Однако это лишь гипотеза. Представляется разумным на нынешний момент воздержаться от окончательного суждения. Решению вопроса будет способствовать проведение широкого комплексного археологического обследования всей территории и, возможно, дальнейших раскопок в Тахти Сангине и Тахти Куваде.

После того как Амударьинский клад был обнаружен, он в конце концов, очевидно частями и в разное время, проделал путь в Равалпинди (совр. Пакистан). О.М. Дальтон сообщает, что «...имеется достаточно убедительных свидетельств того, что сокровище было действительно перевезено из долины Окса в Кабул и затем в Пешавар, где было продано»⁴⁴. Однако из его изложения ясно, что большинство предметов закончило путь в Равалпинди, примерно в 90 милях далее на восток от Пешавара. П. Гарднер также сообщает нам, что некоторые монеты из клада были доставлены в

⁴¹ Личное сообщение Б.А. Литвинского.

⁴² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3. С. 94–11 (=Litvinsky B.A., Pichikian I.R. Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Bactria) // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. V. 2/2. Leiden, 1995).

⁴³ Лекция Б.А. Литвинского в Британском музее 26 июля 1995 г. Это ясно и из фотографии, опубликованной в работе: Litvinskij B.A., Pichikian I.R. An Achaemenian Griffin Handle from the Temple of the Oxus // In the Land of the Gryphons: Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. A. Invernizzi. Firenze, 1995. Fig. 1.

⁴⁴ Dalton. Op. cit. P. XIII.

Равалпинди зимой 1877–1878 гг.⁴⁵ Это вполне могла быть большая часть Амударьинского клада, претерпевшая драматическое приключение. О.М. Дальтон оставил нам красочный отчет о случившемся. Он сообщает, что «три купца из Бухары, которые по обыкновению вели торговлю между Хивой, Самаркандом и Индией», купили клад в надежде, что он, будучи зашит в мешки, может быть сочтен товаром, а не деньгами и соответственно не будет облагаться пошлиной, которую они в противном случае должны были заплатить Абдурахману⁴⁶ на своем пути через Афганистан. Это было в мае 1880 г. Между Кабулом и Пешаваром эти купцы, оказавшись в отдалении от своего конвоя, были ограблены «людьми из Хурд Кабула, принадлежавшими к гильзайским племенам Барбакар хель и Хисарак. Грабители ушли с награбленным в горы, взяв с собой трех купцов и их слугу, далее они... добрались до места, называемого Каркачча, где было несколько пещер, в которых они надеялись спокойно разделить добычу». Этому не суждено было, однако, случиться, потому что слуга сбежал и в девять часов вечера прибыл в лагерь капитана Фрэнсиса Бартона⁴⁷, британского военного, который был главным государственным инспектором области Хурд Кабул (Гильзайский округ). С этими полномочиями он базировался в Себаба в 35 км к востоку от Кабула, и его задача заключалась в том, чтобы держать открытыми линии коммуникаций между Кабулом и Британской Индией в период английской оккупации Кабула во второй афганской войне, а затем и во время вывода войск. Как только Ф. Бартон получил известие о преступлении, он, согласно О.М. Дальтону, выступил с двумя ординарцами и незадолго до полуночи настиг грабителей в пещере. У них как раз происходил дележ добычи, и они уже успели из-за нее перессориться. Четверо лежали ранеными. Нам сообщается, что «последовали переговоры», в результате которых часть клада была отдана Ф. Бартону. Он угрожал грабителям на следующий день привести целый отряд, что убедило их вернуть оставшуюся у них большую часть клада. В результате около трех четвертей было возвращено купцам. Сразу же после инцидента один из купцов дал следующие показания которые, как утверждает О.М. Дальтон, «достаточно интересны, чтобы привести их почти полностью». Приведем отрывок:

«Я один из купцов, которые были ограблены, когда гильзай из Хисарак'а и Джагдалак'а напали на нас и захватили все наше имущество. Мулов не взяли, но вьюки на мулах были разрезаны и похищены. В них были золотые и серебряные украшения, несколько золотых чаш, серебряный идол, золотой идол, а также крупное украшение, напоминающее ножной браслет. Большинство этих вещей было найдено в Хандиане (Кабадиан). Место находится под водой Окса, но в определенное время несколько раз в году, когда река пересыхает, [там] копаются люди и среди старых руин города Хандиан находят ценные золотые вещи. Мои компаньоны и я сам купили эти вещи, опасаясь везти деньги, поскольку Абдаррахман был в Кундузе и брал пошлину со всех путешественников и купцов для своей армии. Нам сказали, что идол и ножной браслет относятся ко времени Александра Великого и были найдены в то же время, что и

⁴⁵ Ibid. P. XIII–XV.

⁴⁶ Абдурахман-хан, эмир Афганистана (1880–1901).

⁴⁷ Полковник Фрэнсис Чарльз Бартон (1845–1931) (рис. 5). Он начал свою карьеру военного в Британском полку и был направлен в Индию в 1866 г. В 1869 г. он поступил в 1-й Бенгальский стрелковый полк (Skinner's Horse). В течение второй афганской войны (1878–1880 гг.) он командовал пенджабским батальоном, находясь в подчинении лорда Роберта, перед тем как на какое-то время стать государственным чиновником. Он закончил свою карьеру в должности командующего 2-м Бенгальским стрелковым полком (Gardener's Horse) и вышел в отставку в 1901 г. В Индии Бартон и его жена с большим увлечением принимали участие в любительских театральных постановках и были близкими друзьями Редьярда Киплинга. Жена Бартона появляется в ряде рассказов Киплинга как отвратительная «миссис Хоксби». После первой мировой войны он выбрал своим местом жительства Танбридж Велз. Некрологи Бартона можно найти в газетах «The Tunbridge Wells Advertiser» от 13 марта 1931 г. (с. 13) и «The Kent and Sussex Courier» от 13 марта 1931 г. (с. 2). В поисках дополнительной информации о жизни и карьере Бартона большую помощь оказали К. Анжел и Г. Копас, жители Танбридж Велз, которые сейчас ведут свое собственное исследование, посвященное этому интересному человеку.

украшение, о котором я слышал, что его отправил в Индию Burra Lord Sahib. Общая цена сокровища составляла восемьдесят тысяч рупий, и благодаря вашему влиянию мы возвратили пятьдесят две тысячи. Я хотел бы, чтобы вы купили золотой ножной браслет. После того как серебряный идол был похищен, он побывал в огне, и часть серебра оплавилась. Более я ничего не могу заявить относительно вещей; я здесь подтверждаю, что получил их назад от вас».

К сожалению, происхождение этих показаний не может быть прослежено, и источник информации О.М. Дальтона неизвестен. Возможно, что он встретил Ф. Бартона и получил от него отчет из первых рук, равно как и письменное заявление купца, или же возможно, что эта информация содержалась в бумагах, некогда принадлежавших А.В. Фрэнксу. Утрата самого заявления особенно прискорбна, поскольку оно порождает ряд вопросов. Был ли купец грамотным и если был, то на каком языке он писал? Если он писал сам, кто переводил его и когда? Или же это было устное заявление, которое было переведено на английский и перенесено на бумагу в лагере у Ф. Бартона за подписью купца? Все это возможно, так как известно, что Ф. Бартон был подлинным знатоком языков. Так, в 1877 г. он был приглашен в Индию для перевода на хинди и урду «Устава кавалерийской службы»⁴⁸ и, согласно его «Послужному списку», он также сдал экзамен по персидскому языку в Миратхе 3 октября 1887 г.⁴⁹ Эти детали могут показаться частными, но они приобретают определенное значение, когда выясняется, что другие сообщения того времени не совсем совпадают с изложением О.М. Дальтона и заявлением купца.

Другим важным источником по этому инциденту является лахорская «Civil and Military Gazette» от 24 июня 1880 г., которая сообщает следующее.

«Группа кокандцев прибыла в Кабул по пути в Индию, везя с собой золотые монеты в количестве 50 000 или 60 000 рупий, собственность бухарских купцов. Во время пребывания в Кабуле кокандцы не делали тайны из своего обладания таким большим количеством золота, и именно там было запланировано их ограбление. Вначале бандиты намеревались "освободить" владельцев от их груза между Бутхаком и Латтабандом 10-го числа текущего месяца [т.е. июня. – Д.К.], но, узнав о том, что караван кокандцев сопровождает большой эскорт, они решили захватить сокровища на следующий день около Дзигдаллика. Для этой цели собрались 180 человек, которые залегли у дороги в скрывавшем их низком кустарнике, где они дожидались, пока не приблизится конвой. Тогда они кинулись в самую гущу столичного и местного конвоев, которые в это время оказались рядом друг с другом, схватили именно того мула, что вез золото, и немедленно угнали его; они освободили остальных вьючных животных, чтобы способствовать общей неразберихе. Известие об ограблении достигло Себаба в четыре часа, и капитан Ф. Бартон, государственный инспектор, тут же послал людей по следу; его знание этой части страны позволило ему сделать проныцательное предположение о местонахождении грабителей. Он также с самого начала предпринял меры к аресту караванбаши в Бутхаке, причастность которого к грабежу он подозревал. Вначале он собирался окружить деревню, из которой, как полагал Ф. Бартон, были похитители; но, по некоторому размышлению, он решил провести определенную работу через своих служащих, и с помощью Сардар Джанга, бывшего местного офицера бенгальской кавалерии, он преуспел в этом деле. Преодолев трудности, Ф. Бартон сумел спасти золота на сумму 21 000 золотых рупий, и можно питать надежду, что будет возвращено еще больше».

Имеется дополнительная информация, хотя и очень поверхностная, в «Послужном списке» Ф. Бартона, где в графе «Особая служба в мирное время и на войне» записано, что Ф. Бартон «вернул похищенное сокровище, взятое из кафила [араб. "караван"] среднеазиатских и самаркандских купцов на сумму более 60 000 рупий».

⁴⁸ Письмо от 27 августа 1877 г. в личном архиве Ф. Бартона. Последнее было любезно показано мне м-с Сьюзен Истмонд, правнучкой Бартона.

⁴⁹ Личный архив Бартона.

Рис. 5. Полковник Ф.Ч. Бартон

Есть небольшие расхождения между этими отчетами, в частности, между рассказом О.М. Дальтона и сообщением в лахорской «Gazette». Но эти различия не столь велики, чтобы заронить сомнения относительно основных событий этого эпизода, а именно, что караван купцов из Коканда, Бухары и Самарканда попал в засаду между Себаба и Джагдалаком и что благодаря усилиям и инициативе капитана Ф. Бартона похитители были настигнуты и сокровище возвращено купцам.

Судя по всему, Ф. Бартон видел один из массивных золотых браслетов, который находился во взрезанном тюке, и предложил купить его⁵⁰. Купцы были согласны, и, по-видимому, чтобы показать, что он достался ему в собственность совершенно нормальным и законным образом, Ф. Бартон получил согласие от одного из купцов дать показания, приведенные выше. Учитывая, что здесь была замешана большая сумма денег, Ф. Бартон хотел продемонстрировать, что его поведение было безупречным. Кроме того, ему было необходимо подтвердить право собственности на ножной браслет и избежать любых возможных обвинений в злоупотреблении. Заметка в «The Graphic»⁵¹ сообщала: «Английский офицер, который купил его [браслет], не имел денег, чтобы купить также идолов, найденных вместе с ним». В июне 1884 г. Ф. Бартон доставил свой браслет в Южнокенсингтонский музей.

⁵⁰ Dalton. Op. cit. P. XIV.

⁵¹ Birdwood. Op. cit. P. 538.

Из записи в «Книге протоколов музея» ясно, что он не хотел оставлять его во временное пользование, а был заинтересован в продаже⁵². Запрашиваемая цена составляла 1000 фунтов стерлингов. Сделка была описана 11 июля 1884 г. секретарем музея, полковником Д.Ф.Д. Доннелли⁵³: «Я видел майора Ф. Бартона, который был здесь с визитом... этим утром. Я сказал, что руководители музея хотели бы иметь браслет, но сумма была велика. Я должен был спросить, является ли это окончательной ценой. Он заверил меня, что это так, заявив, что столько ему уже предлагалось. Хотя он и склонялся к тому, чтобы позволить нам отложить платеж до 1 апреля следующего года, если мы обяжемся купить его, но ему не нравилась, по-видимому, идея оставить браслет во временное пользование. Изложив все это сэру П.К. Оуэну, я согласился с ним, что нам лучше заплатить сразу».

Бухгалтерскому отделу музея была дана инструкция заплатить «как можно быстрее, поскольку он [Бартон] уезжает из Англии через два или три дня»⁵⁴.

Почему Ф. Бартон предложил браслет Южнокенсингтонскому, а скажем, не Британскому музею, точно не известно, однако в то время могло считаться, что предмет этого типа, ввиду его, правда не вполне определенных, связей с Индией, входит в сферу компетенции Южнокенсингтонского музея. В конце концов, браслет был опубликован в «The Graphic» в 1881 г. с заголовком «Индийские ювелирные изделия»⁵⁵. А может быть, причина была лишь в том, что Ф. Бартон жил тогда на 5 Empregvis Gate, в Южном Кенсингтоне, и ему было удобнее иметь дело с находящимся рядом Южнокенсингтонским музеем. Другой вопрос заключается в том, почему этот музей был готов заплатить очень высокую по тем временам цену, чтобы приобрести «для государства»⁵⁶ браслет, парный предмет к которому уже находился, как мы увидим, во владении А.В. Фрэнкса. Не могли же уже тогда предполагать, что А.В. Фрэнкс в конце концов завещает свою коллекцию Британскому музею? Или же дело было лишь в том, что если Британский Музей предположительно собирался заполучить один предмет, то и Южнокенсингтонский музей хотел иметь один такой же у себя?

После того как клад благодаря Ф. Бартону был возвращен купцам, они продолжили свое путешествие в Пешавар и в конце концов продали его в Равалпинди. В итоге он был приобретен у торговцев генералом сэром Александром Канингэмом и А.В. Фрэнксом. А. Канингэм, который был в то время генеральным директором Археологической службы Индии, рассказывает, что за исключением маленькой золотой колесницы и золотой фигурки всадника⁵⁷, которая была подарена лорду Э.Р. Литтону⁵⁸ сэром Л. Кавальери⁵⁹, он приобрел большинство предметов (если не все) первой находки 1877 г. На самом деле вряд ли это так, поскольку восемь золотых или серебряных предметов, а также десять монет, предположительно относящихся к Аму-

⁵² Я благодарю доктора Ф. Гленвили и Ю. Шепэд, предоставивших ценную информацию из архивов Музея Альберта и Виктории. Мнение Бартона становится ясным из письма от 28 июля 1884 г. секретарю Южнокенсингтонского музея. Он пишет: «Я сожалею, что не могу оставить ювелирное изделие для выставки, поскольку я вскоре возвращаюсь в Индию. Я хочу продать его, и перед тем как предложить его любому частному или иностранному музею, я считаю правильным отдать приоритет выбора моей стране».

⁵³ Генерал-майор Д.Ф.Д. Доннелли (1834–1902) был секретарем Департамента науки и искусства Южнокенсингтонского музея в 1884–1889 гг., см. Who Was Who (1897–1915). 6th ed. L., 1988. P. 148.

⁵⁴ *Birdwood*. Op. cit.

⁵⁵ Браслет имеет регистрационный № 442–84.

⁵⁶ Сэр Р.К. Оуэн записал в «Книге протоколов Южнокенсингтонского музея» (3 июля 1884 г.): «Не может быть никаких сомнений в том, что его следует приобрести для государства по цене в 1000 фунтов стерлингов».

⁵⁷ И маленькая колесница, и фигурка всадника находятся сейчас в Британском музее. Колесница была приобретена у леди Кобболд, внучки лорда Литтона, в 1953 г., а фигурка всадника была куплена у 2-го графа Литтона в 1931 г.

⁵⁸ Эдвард Роберт Балвер – Литтон I, граф Литтон (1831–1891), вице-король Индии (1876–1880).

⁵⁹ Сэр Пьер Луи Наполеон Кавальери (1841–1879) был военным и государственным инспектором. Он был назначен британским резидентом в Кабуле с 24 июля 1879 г., но в сентябре 1879 г. он и все представители были убиты во время произошедшего здесь восстания.

дарьинскому кладу, которые генерал Д.Д. Пирс⁶⁰ передал в Южнокенсингтонский музей в 1899 г., были найдены «около 1876 г.». О.М. Дальтон ссылается на статуэтки в Берлине и в частной коллекции⁶¹. Как бы то ни было, именно предметы из находки 1877 г. являются темой первого сообщения А. Каннингэма о кладе в «*Journal of the Asiatic Society of Bengal*». Сюда относятся⁶²: две серебряные статуэтки большого размера, вырезанные из золота фигурка лошади и фигура с короной, лучшая из золотых пластин с изображением предположительно жреца, держащего барса (рис. 6), золотая рыба, две золотые фигурки оленей, фрагментированная золотая голова коня, части шести золотых крученых гривен (или браслетов), два золотых кольца, небольшая золотая пластина с изображением человека и льва и небольшая золотая фигурка птицы. Все эти вещи должны были быть в коллекции А. Каннингэма и сейчас находятся в Британском музее⁶³. Помимо монет, имелось несколько предметов, нынешнее местонахождение которых неизвестно⁶⁴. Это золотая пластина с изображениями крылатого быка (возможно, не была подлинной), золотой медальон с головой Диониса, маленький золотой «голубь», две спиральные золотые гривны со змеиными головками, две золотые серьги, изображающие Эрота, и части двух золотых браслетов.

Два года спустя А. Каннингэм пишет, что с момента его предыдущего сообщения «было обнаружено несколько новых предметов, равно как и большое количество монет»⁶⁵. В этой заметке А. Каннингэм приводит иллюстрации⁶⁶ с изображениями небольшой фигуры жреца из цельного золота, золотого кольца и трех крученых браслетов, которые сейчас считаются частью Амударьинского клада⁶⁷ и, вероятно, в то время были его собственностью. Нынешнее местонахождение еще двух браслетов и золотого кольца сомнительной аутентичности⁶⁸ неизвестно, но примечательно, что эти два браслета действительно очень похожи на экземпляры, которые сейчас находятся в

Рис. 6. Амударьинский клад. Золотая пластина с изображением персонажа с барсом. Британский музей

⁶⁰ Вся военная карьера генерала Джорджа Дж. Пирса (1827–1905) прошла в Индии, см. *Who Was Who (1897–1915 гг.)*. Он предлагал свою коллекцию Южнокенсингтонскому музею за 1000 фунтов стерлингов, но предложение не было принято, и в 1908 г. его вдова дала указание музею выслать предметы Дж. Х. Маршаллу в Калькуттский музей в Индии.

⁶¹ *Dalton. Op. cit.* P. 2.

⁶² *Cunningham. Relics...*

⁶³ *Ibid.* Pl. XI, 1; XII, 1–2, 8 (part); XIII, 3–4; XIV; XV, 2, 4–8; XVI, 6–7, 9–12.

⁶⁴ *Ibid.* Pl. XV, 1, 3; XVI, 1–5, 8. Браслет с концевым украшением в виде львиных голов на рис. XVI, 8 очень похож на тот, что приводится в книге: *Dalton. Op. cit.* № 120, но это, очевидно, не один и тот же предмет. Золотое кольцо (*Cunningham. Relics...* Pl. XVII, 6; ср. *Dalton. Op. cit.* № 105) было, как сообщает нам А. Каннингэм, воспроизведением предмета из статьи: *Franks A.W. Exhibition of Three Finger-rings and Stone Seal // Proceedings of the Society of Antiquaries. 2 series. V. VIII. L., 1880. Fig. 1.*

⁶⁵ *Cunningham. Relics...* Second Notice. P. 64.

⁶⁶ *Ibid.* Pl. VI A, C; VII, 3–5. Золотой браслет на табл. VII, 5 явно тот же, что и воспроизведенный в статье: *Cunningham. Relics...* Pl. XVI, 12–19 (*Dalton. Op. cit.* № 119).

⁶⁷ *Dalton. Op. cit.* № 2a, 110, 119, 122, 139.

⁶⁸ *Cunningham. Relics...* Second Notice. *Op. cit.* Pl. VI B, VII, 1–2.

составе Амударьинского клада⁶⁹. Интересно, что в этой заметке мы впервые сталкиваемся с данными о том, что некоторые предметы клада копировались, возможно, в Равалпинди. Так, умбон со сценой охоты⁷⁰ является копией в золоте серебряного оригинала, хранящегося сейчас в Британском музее⁷¹. Еще три подделки были опубликованы А. Каннингэмом позже, в 1883 г. По его словам, «с момента написания моей второй заметки об очень любопытных и интересных открытиях... на северном берегу Окса я приобрел еще три золотых украшения и более двадцати монет, чеканенных из разного металла»⁷². Этими предметами⁷³ являются воспроизведенные в золоте халцедоновая цилиндрическая печать, серебряная ручка в форме дикого козла и каменный диск гандхарского типа с изображением человека, сидящего верхом на льве с чешуйчатым хвостом, которые, возможно, и не входили в состав клада⁷⁴.

Воспроизведения также делались по просьбе самого А. Каннингэма, но не с целью изготовления подделок. На момент покупки многие из браслетов были представлены своими концевыми украшениями, а металлические обручи были срезаны для переплавки. А. Каннингэм рассказал об одном из таких случаев, а именно, когда он с помощью ювелира в Симле реставрировал спиральный золотой браслет с концевыми украшениями в виде львиных голов⁷⁵.

Вышеперечисленные предметы, следовательно, находились во владении А. Каннингэма. Поскольку описания совершенно точны, и он публиковал даже мелкие и относительно незначительные предметы, можно не без оснований предположить, что выше мы привели полный список того, чем он владел. Из этого следует, что оставшаяся часть того, что сейчас входит в состав Амударьинского клада в Британском музее, должна была быть приобретена А.В. Фрэнксом либо самостоятельно, либо через перекупщиков в Северо-Западной Индии. Это представляется обоснованным предположением, но, к сожалению, документы, которые могли бы его подтвердить, отсутствуют. Мы имеем, однако, информацию о нескольких предметах. Так, А. Каннингэм сообщает⁷⁶, что эффектная золотая колесница с возницей, ездоком и четырьмя лошадьми была послана в Англию после того, как она была найдена и продана (предположительно – А.В. Фрэнксу) за 120 фунтов стерлингов. А Каннингэм добавляет, что ему «не было позволено даже взглянуть на нее». Затем 27 мая 1880 г. А.В. Фрэнкс выставляет в Обществе антикваров золотое кольцо с крылатым быком и выгравированной арамейской надписью⁷⁷. Мы знаем, что к 22 февраля 1883 г. один из массивных браслетов с концевыми украшениями в виде грифонов (рис. 7) перешел в его собственность, поскольку в этот день он выставил его в Обществе антикваров⁷⁸. Чуть позже, уже в то время, когда один золотой браслет приобретался Южнокенсингтонским музеем, сэр Р.С. Оуэн писал (3 июля 1884 г.): «Дубликат (этого изделия. – Д.К.) находился в частной коллекции г. Фрэнкса, который лично дал 3000 фунтов за браслет и другие золотые изделия из того же источника»⁷⁹. Имеется некоторое количество других предметов, которые О.М. Дальтон в своем каталоге описал как приобретенные в Равалпинди⁸⁰. С большой вероятностью можно пред-

⁶⁹ Dalton. Op. cit. № 118, 140.

⁷⁰ Cunningham. Relics... Second Notice. Op. cit. Pl. VI D.

⁷¹ Dalton. Op. cit. № 24.

⁷² Cunningham. Relics... P. 258.

⁷³ Ibid. Pl. XXI A, F–G.

⁷⁴ Dalton. Op. cit. № 10, 114, 197.

⁷⁵ Cunningham. Relics... P. 156. Pl. XVI, 7; Dalton. Op. cit. № 125.

⁷⁶ Cunningham. Relics... P. 154, 183.

⁷⁷ Franks. Exhibition of Three...

⁷⁸ Franks. Exhibition of a Remarkable...

⁷⁹ Victoria and Albert Museum Minutes Book for 1884 (manuscript). В регистрационном журнале записей Музея Виктории и Альберта также записано: «парный предмет и другие объекты, найденные в это же время, находятся во владении м-ра А.В. Фрэнкса».

⁸⁰ Dalton. Op. cit. № 101–102, 106, 109.

Рис. 7. Амударьинский клад. Золотой браслет с грифонами

положить, что они были в коллекции А.В. Фрэнкса. По всему остальному материалу, включаемому сейчас в Амударьинский клад, информация отсутствует, что весьма удивительно, учитывая огромный интерес, который вызывали некоторые из этих предметов, отличающихся превосходным качеством, такие, как золотые ножны акинака, золотой кувшин с ручкой, завершающейся головой льва, множество золотых пластин и т.д. Тем не менее представляется очевидным, что весь этот материал был в коллекции А.В. Фрэнкса, бесспорно, к 1887 г., а возможно, уже к 1883 г.

В свое время А.В. Фрэнкс пополнил имеющуюся у него уже и без того солидную коллекцию предметов из Амударьинского клада покупкой коллекции А. Каннингэма. В «Апологии»⁸¹ своей жизни А.В. Фрэнкс пишет, что «группы исключительных предметов, преимущественно вотивных, найденных в реке Окс... были или присланы мне из Индии непосредственно, или приобретены мной у сэра Александра Каннингэма». К сожалению, имеется мало документов, касающихся этой сделки, но одно письмо сохранилось. 12 января 1887 г. А. Каннингэм пишет А.В. Фрэнксу, что генерал Д.Д. Пирс просит его предложить Британскому музею две древние вещи для продажи – египетскую табличку и нефритовую сцену охоты из Индии. А. Каннингэм продолжает: «У меня есть несколько моих собственных вещей, которые я бы хотел подарить Музею, – и другие, которые я должен предложить для продажи. Первую группу составляют все мои находки из Бхилса, вторую – древние предметы с Окса». В заключение он писал, что в настоящее время не может покинуть дом из-за бронхита и хотел бы поговорить с А.В. Фрэнксом, когда погода улучшится. Действительно ли вопрос о покупке обсуждался (и был отвергнут) попечителями Британского музея, или же А.В. Фрэнкс уже с самого начала хотел совершить покупку сам, остается неизвестным. В наше время к намерению хранителя музея, а А.В. Фрэнкс им являлся, купить столь важную коллекцию лично для себя, наверное, отнеслись бы неодобрительно, но, по-видимому, в то время это не вызвало каких-либо отрицательных комментариев. Коллеги вполне могли предполагать, что А.В. Фрэнкс в конце концов подарит коллекцию музею, и на это указывает письмо А.В. Фрэнкса от 6 июня

⁸¹ *Franks A.W. Apology // A.W. Franks. Nineteenth Century Collecting... P. 325.*

1893 г. главному библиотекарю М. Томпсону, где, говоря о группе древних сосудов, он пишет: «Из этой серии я намереваюсь сделать часть музейной коллекции, но я хотел бы сохранить право держать их у себя в награду за дар»⁸². Точно не известно, когда А.В. Фрэнкс купил принадлежавшую А. Каннингэму часть Амударьинского клада; она была предложена Британскому музею в январе 1887 г., и мы знаем лишь то, что она была во владении А. Фрэнкса в 1883 г., когда он писал «Апологию»⁸³. Не знаем мы и о том, сколько он заплатил за нее. Ключ к разгадке, однако, может содержаться в утверждении А. Каннингэма в 1881 г., что «весь клад, включая предметы и монеты, должен стоить 750 фунтов стерлингов по номиналу»⁸⁴. Сколько сверх той исходной цены был бы готов заплатить А.В. Фрэнкс, не известно, и **ВЯРД ЛИ СТОИТ ОБ ЭТОМ** гадать. Но что нам известно, так это обыкновение А. Каннингэма отдавать вещи по той же цене, что он сам заплатил за них⁸⁵. Нет сомнения, что эти цены зафиксированы в подробных записных книжках, которые вел А. Каннингэм и которые погибли вместе с пароходом «Индус», затонувшим у берегов Цейлона в 1885 г.⁸⁶

После смерти А.В. Фрэнкса в 1897 г. выяснилось, что Амударьинский клад вместе с другими важными коллекциями был завещан Британскому музею. О.М. Дальтоном в 1905 г. был выпущен образцовый каталог. Кроме Амударьинского клада том содержал данные «о других объектах из древней Персии и Индии»⁸⁷.

Так завершился длинный и сложный путь Амударьинского клада с берегов Окса на берега Темзы, в Британский музей*.

THE TREASURE OF THE OXUS ON ITS WAY TO THE BRITISH MUSEUM

G. Curtis

The article describes the circumstances of the discovery of the Amu Darya hoard, attracting English and Russian publications. The author is sure that the hoard comes from the lower reaches of the river Vachs where it falls into the Pendz. He also discusses the question of the hoard's homogeneity and the hypothesis by Litvinsky and Pichikian that it was a part of the treasury of the Oxus' Temple hidden by the priests because of the threatening invasion.

The second part of the article tells how the hoard was brought to the town of Ravalpindi (now in Pakistan) by some Asian merchants. New documents from museums, private collections and newspapers are used here. New light is thrown upon the dramatic journey of the caravan which transported the hoard.

Lastly, the author tells how the objects from the hoard were bought by British scholars and collectors and came to the British Museum.

⁸² *Cunningham. Relics...* P. 183.

⁸³ *Franks. Apology.* P. 325.

⁸⁴ *Cunningham. Relics...* P. 183.

⁸⁵ *Dictionary of National Biography, Supplement I. V. 2. Oxf., 1901.* P. 94–96.

⁸⁶ *Ibid.* Я не включил в эту статью некоторые данные, которые удалось извлечь из материалов А.В. Фрэнкса, хранящихся в Отделе восточных древностей и в Отделе средневековых и восточных древностей Британского музея (см. *Curtis. Franks...* P. 245–246).

⁸⁷ *Dalton O.M. Franks' Bequest; the Treasure of the Oxus with Other Objects from Ancient Persia and India.* L., 1905. Второе издание этого каталога было опубликовано в 1926 г., третье – в 1964 г. О деятельности и трудах О.М. Дальтона см. *Hill G. Ormonde Maddock Dalton (1866–1945) // Proceedings of the British Academy.* V. XXXI. L., 1946.

* Перевод И.Д. Джибладзе.